

Александр Арсаньев

Третье дело Карозиных

Катенька Карозина

Александр Арсаньев

Третье дело Карозиных

«Научная книга»

Арсаньев А.

Третье дело Карозиных / А. Арсаньев — «Научная книга»,
— (Катенька Карозина)

© Арсаньев А.
© Научная книга

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	11
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	17
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	23
ГЛАВА ПЯТАЯ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Арсаньев

Третье дело Карозиных

ПРОЛОГ

Май 1883 года ознаменовался событием, которого ждали двадцать шесть месяцев – именно столько прошло со дня столь трагической смерти Императора Александра II Освободителя до коронации его сына Александра Александровича. Новый монарх взялся за дело круто, что тотчас повлекло за собой недовольство либерально настроенного общества. Петербург роптал, но что до Москвы, где по традиции проходили коронации, то Первопрестольная куда больше благоговела перед силой и волей. В Москве ожидали этого важнейшего события с большим нетерпением. Все разговоры были только о том, сколько денег потрачено и кто из высокопоставленных гостей прибудет.

Накануне высочайшего приезда, когда в Москву прибыли не только иностранные особы королевский фамилий, но стянулась и тьма-тьмущая народу попроще, а в гостиницах и пансионах уже и буквально яблоку негде было упасть, Катерина Дмитриевна Карозина, жена надворного советника, профессора алгебры Московского университета, которой надлежит сыграть немаловажную роль во всех нижеописываемых событиях, ожидала своего супруга с необычным нетерпением.

Никита Сергеевич, как всегда, вернувшись домой к обеду, в скромный классический особнячок в Брюсовском переулке, застал свою красавицу жену в сильном волнении.

– Что с тобой, Катюша? – удивленно спросил супруг, встретившись взглядом с горящими от нетерпения глазами Катеньки.

– Никита... Никита, ты не поверишь! – воскликнула вместо ответа жена и, ничего толком не объясняя, взяла мужа за руку и увлекла за собой в кабинет. – Садись, – попросила она с самым таинственным видом.

– Да в чем дело-то, милая? – нахмурившись, снова задал свой вопрос Никита Сергеевич, предполагая уже самое ужасное.

– Только обещай, – начала Катенька, – что не станешь сердиться! Что выслушаешь меня! – от волнения ее щечки покрыл очаровательный румянец, и муж, залюбовавшись на мгновение, рассеянно кивнул. – Обещаешь? – уточнила Катенька, останавливаясь перед ним.

Никита Сергеевич вздохнул, поднял руки и больше для порядку произнес:

– Что-то случилось...

Катя кивнула с самым заговорщическим видом. Никита Сергеевич вздохнул еще раз, усадил жену напротив себя в кресло и сдался:

– Рассказывай.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Происшествие, о котором намеревалась поведать мужу очаровательная хозяйка особняка, имело самое непосредственное отношение к событиям пятидесятилетней давности и, можно сказать, было даже продолжением всего, что тогда случилось, хотя об этом еще мало кто догадывается. Впрочем, не будем забегать вперед, не будем отвлекать вас пересказом того, что стало уже историей, скажем только для тех, кто еще не знаком с четою Карозиных, что с некоторых пор оба они под влиянием таинственных обстоятельств вынуждены были раскрывать довольно запутанные дела, соперничая в этом с профессиональными сыщиками. Однако давайте послушаем, что же так взволновало Катерину Дмитриевну Карозину на этот раз.

– Никита, – начала свой рассказ Катенька, – ты помнишь Галину Сергеевну Морошкину?

– Вдову генерал-майора? – уточнил Карозин.

– Ее, – подтвердила Катенька. – Я встретила нынче после церкви ее племянницу, Наташу, что живет у Галины Сергеевны, и она мне рассказала ужасную новость. Галина Сергеевна вчера ездила в банк, чтобы обменять векселя, и что же ты думаешь?.. – Катерина Дмитриевна расширила глаза и замолчала.

– Катя, рассказывай, не надо театральных пауз, – чуть поморщившись заметил супруг.

– Хорошо, mon cher, – вздохнула Катенька. – Обойдемся без пауз, – и легко улыбнулась мужу. – Векселей, которые собиралась обменять Галина Сергеевна, было на несколько тысяч, она хотела сделать Наташе подарок на день рождения. Однако, когда Галина Сергеевна предъявила их к оплате, выяснилось, что векселя поддельные.

– Вот как? – вскинул густые темные брови Никита Сергеевич. – А каким же образом они ей достались?

– В том-то и дело, Никита, – все с той же легкой улыбкой продолжила Катерина Дмитриевна, – что векселя эти ей никак не доставались, то есть они хранились у нее уже пару лет. А до этого, кажется, ее покойный супруг получил их от кого-то за проигранную партию в карты.

– И что же, он их даже не проверил? – хмыкнул Никита Сергеевич, подивившись такой глупости со стороны генерал-майора.

– Галина Сергеевна уверяет, что он их проверял и они были настоящие. А теперь вот выяснилось, что...

– Та-а-ак, – многозначительно протянул Карозин. – Вариантов может быть два. Либо еще в тот раз Морошкина обманули, заявив, что векселя не подделка, либо... Либо настоящие выкрали из дома Галины Сергеевны и подменили их поддельными.

– Вот именно, – довольно кивнула Катенька и взгляд ее зеленых глаз как-то незаметно изменился.

– Катя, – тут же отреагировал чуткий к своей супруге Карозин, – почему ты так на меня смотришь?

Катерина Дмитриевна промолчала, а Никита Сергеевич спросил снова, но уже подозрительней:

– Катя, что еще? Только не говори мне, что мы должны...

– Мы должны, – кивнула Катерина Дмитриевна.

– Нет, – покачал головой профессор. – Нет, нет и еще раз нет. Мы ничего не должны, Катя. Ты ведь не обещала никому, что мы с тобой...

– Я бы не пообещала, Никита, – вздохнула Катерина Дмитриевна и пухленькие губки ее сложились в лукавую улыбку, – если бы меня не попросили.

– Как? – растерянно пробормотал профессор. – Когда?

– Вот! – Катерина Дмитриевна поднялась из кресла и взяла со стола розовый конверт. – Сам почитай, – и она протянула конверт Никите Сергеевичу.

Карозин нехотя взял конверт у супруги и, бросив на нее недовольный короткий взгляд, достал сложенный вдвое надушенный лист бумаги, на котором чрезвычайно красивым почерком со множеством завитушек было написано вот что:

"Уважаемые Никита Сергеевич и Катерина Дмитриевна! Поверьте, ни за что не осмелилась бы вас беспокоить, но обстоятельства, вынуждающие меня это делать, таковы, что никто кроме вас мне не в силах помочь! Прошу принять меня нынче, в шесть часов вечера. Выслушайте мою просьбу, умоляю!
Во всем к услугам Вашим – Галина Морошкина".

Карозин дочитал эту коротенькую записку, посмотрел на часы и вздохнув, заметил:

– Полагаю, ты ей не отказала.

– Нет, – подтвердила Катенька. – Она приедет через три четверти часа.

– Полагаю, что более того, ты ее даже обнадежила, – все в том же тоне проговорил супруг.

– Никита, ну, пожалуйста, – Катерина Дмитриевна порывисто обняла мужа, – ну, не начинай же заново! Разве мы с тобой не обсуждали это уже не единожды?

– Обсуждали, – кивнул супруг, однако ни тон его, ни выражение его породистого лица с крупными чертами не изменилось и не смягчилось ни на чуточку. – И все-таки я снова тебе скажу, мой ангел. Одно дело – соглашаться теоретически с тем, что мы можем принимать участие в расследованиях, а совсем другое – принимать это участие! Я этого делать не намерен, – добавил он холодно и, отстранив жену, поднялся, чтобы покинуть кабинет.

Катерина Дмитриевна не сделала, вопреки ожиданиям, ни малейшей попытки его остановить, вместо этого она села в кресло с самым безмятежным видом. Карозин вышел из кабинета, а его милостивая, более того – красивая супруга только пожалала плечиками и подумала про себя: «Упрям, как всегда! Ну да ничего, еще успокоится и одумается!» И она, как мудрая жена, хорошо знающая своего супруга, оказалась права, поскольку Никита Сергеевич, поднимавшийся в этот момент по лестнице в свою спальню, подумал вот о чем: «Неужели снова сориться из-за этих расследований? Не пора ли тебе, Никита Сергеевич, примириться со своею судьбой окончательно?!» Однако подумать-то он так подумал, но шагу не сбавил и к жене не вернулся.

Более того, когда подали обед, он ни словом не обмолвился о давешнем разговоре, а Катерина Дмитриевна, опять же зная уже по опыту, что данная сцена неминуема, ничуть не огорчалась его молчанием. Она же, не в пример угрюмому мужу, была весела, улыбалась, пыталась его разговорить и кушала с завидным аппетитом, обед у нее удался на славу.

Закончив с трапезой, Никита Сергеевич, сердито вздохнув, посмотрел на Катеньку и спросил с самым строгим видом:

– Что же, я согласен выслушать Морошкину. – Катенька при этих его словах потупила взгляд, не желая выдать невольное торжество, которое она испытала в этот момент, и просто кивнула. – Однако, – поспешил добавить тут же Карозин, – это не говорит о том, что я соглашусь ей помочь. Не вижу, что мы вообще способны сделать в данной ситуации.

– Хорошо, – только и сказала супруга, понимая, что последнее было добавлено просто так, для порядка, и уж если Никита Сергеевич согласился принять и выслушать Галину Сергеевну, то и дело ее расследовать согласится. Иначе и быть не может.

В назначенное время оба супруга сидели в малой гостиной, отделанной в фиолетовых тонах, и ожидали гостью. Галина Сергеевна Морошкина появилась в дверях комнаты без доклада, как то и было велено слугам. Вдова генерала была дамой довольно тучной комплекции, лет сорока с небольшим, с круглым розовошеким лицом, с натурально рыжими волосами, ресницами, бровями и россыпью веснушек, обильно припудренных, впрочем, с небольшими синими и живыми глазками, с носиком пуговкой и пухлыми детскими губами. Всякому, кто хоть раз взглянул бы на ее открытое лицо, стало бы тотчас ясно, что Галина Сергеевна неиспра-

вимая хохотушка, о веселом нраве ее характера свидетельствовала даже ее манера одеваться – ленточки чепца игриво развевались, а обилие рюшечек на полосатом платье, сшитом по модному и крайне неудобному в ношении фасону, словно бы говорили, что ж, мол, поделать, приходится соответствовать строгим требованиям, хотя вообще-то... Одним словом, Галина Сергеевна была существом презабавным и это тоже всякому было ясно. Оттого сейчас опечаленное – и несколько, должно быть, намеренно опечаленное – выражение добродушного лица ей явно не шло и уже через несколько мгновений сменилось привычным и задорным.

Ее сопровождала крайне бледная и высокая девица лет девятнадцати с черными косами, убранными в невысокую прическу, с задумчивым лицом, на котором особенно выделялся ее остренький подбородочек и остренький носик, с круглыми и умными серыми глазами, с тонкой ленточкой губ, одетая просто и строго, хотя и тоже по моде, и являвшая собою поразительный контраст с шумной и веселой генеральшей. Это и была Натали, племянница Галины Сергеевны.

Никита Сергеевич приложился к ручке, дамы пролепетали приветствия и, заняв фиолетовые изящные кресла, приступили наконец к делу, по которому явились.

– Перво-наперво разрешите вас поблагодарить, – заговорила Галина Сергеевна. Хозяева сделали жест, означающий, что не стоит благодарностей. – Вы ведь знаете уже кое-что?

– Только в самых общих чертах, – согласился Карозин, поощрив вдову на рассказ с подробностями.

– Векселья эти, пропади они пропадом, достались мне от покойника мужа, а ему, в свою очередь, отданы были за проигранную партию в карты. Любил покойник-то, Михаил Иванович, земля ему пухом, в картишки переброситься, – Галина Сергеевна отчего-то перекрестилась, отыскав взглядом в углу гостиной образок. – Все мы грешны, Господи... – Она вздохнула, вернулась взглядом к хозяевам и, словно скинув с себя воспоминания, продолжила: – Было это за год до его смерти, а кто там в должниках у него ходил... Уж простите меня, Никита Сергеевич, но мне того не ведомо. Однако Михаил Иванович проверил векселья-то, за это я вам могу поручиться, он знал, как поступать в таких делах... Так вот и лежали они, векселья-то. Сумма-то не ахти какая, всего-то пять тысяч, я бы до них и не дотронулась, ведь, слава Богу, деньгами не обделена. Но вот решила племяннице подарок сделать, присмотрела даже кое-что, – Галина Сергеевна не без нежности посмотрела на скромно сидящую рядом Натали и, приласкав ее взглядом, проговорила: – И тут вот какая оказия! – воскликнула в сердцах Галина Сергеевна, видимо, припомнив неприятную сцену в банке. – Оказалось-то, что векселья эти поддельные! И чья это, мол, подпись на них, и кто это такой, никому не известно! Что делать-то, батюшка, Никита Сергеевич? – спросила она с той интонацией доверчивости, с какой обычно обращаются к духовнику, полностью и заранее принимая его совет.

Никита Сергеевич вздохнул, а затем заговорил мягко и осторожно, но вполне все-таки твердо, хотя заметила это только его жена:

– А может, ну их, векселья-то? Сами ведь говорите, что деньгами, слава Богу, не обделены?

– Так ведь это же... – попыталась было слабо запротестовать Морошкина, но смотрела она на Никиту Сергеевича взглядом, полным совершенного доверия, а потому фраза, должно быть, так и осталась недоговоренной.

Наташа же только тихонечко вздохнула и потупилась, а Катерина Дмитриевна, оглядев присутствующих, остановила свой взгляд на супруге. Карозин мягко улыбнулся. Мол, давайте лучше оставим все так, как оно есть, стоит ли ради такого пустяка волноваться.

Еще несколько мгновений в комнате висела тишина, а потом Галина Сергеевна, словно бы очнувшись от какого-то забытья, промолвила, все еще глядя на Никиту Сергеевича:

– Стало быть, полагаете, что и волноваться не о чем?

– Не о чем, уважаемая Галина Сергеевна, все с той же мягкой убедительной ноткой подтвердил Карозин. – Если для вас эти деньги не так уж и важны, да и не сказать, что слишком необходимы, то о чем же беспокоиться? Пусть останется все на совести тех, кто смошенничал.

У каждого из нас свои счеты с Богом, – заключил он, и Катенька при этих его словах удивленно вскинула бровки.

Нельзя сказать, чтобы Никита Сергеевич был человеком неверующим вовсе, но до женитьбы на молодой барышне Бекетовой, считал, как и все прогрессивные и передовые люди, что есть, обязательно должно быть во вселенной нечто такое, что человеческому уму не подвластно, но только предпочитал над этим не задумываться, а называть не иначе как Судьбой или Высшим Разумом, хотя и воспитывался в православной семье, и молитвы знал с детства, и церковь ходил, как и всякий. Но искренняя религиозность его жены, которую Никита Сергеевич обожал нежно и безмерно, зажгла и в нем искру истинной веры, и теперь он при случае сопровождал Катеньку в церковь, да и самого туда тянуло, что он уже вполне признавал. Воистину «неверный муж верною женой освящается». Возможно, происходило это из глубокого его опасения, что с Катенькой, не приведи Господи, может что-то случиться, и Господь, пославший ему такую жену, о которой только и можно мечтать да грезить, возьмет да и отнимет ее... И чтобы такого не случилось, Никита Сергеевич вроде как пытался умилиостивить Всевышнего, хотя в таком течении мысли не признался бы даже на исповеди.

– Что ж, – повторила Галина Сергеевна, – вы, должно быть, правы, батюшка мой, – и она вздохнула уже свободней и облегченнее. Бог простит и нам велит. Так тому и быть, а то уж я распереживалась, думаю, да как же тут отыскать злодея? Да и что его отыскивать? Верно? – Карозин все с той же улыбкой кивнул. – И что с него взять? Да и нам-то что с того? – Галина Сергеевна недоуменно пожала плечами и, кажется, окончательно успокоилась. – Ох, спасибо, что надоумили! – с искренним чувством воскликнула она и даже, кажется, прослезилась.

Было заметно, что ей и правда легче простить да и забыть, чем пытаться что-то выяснить, что-то доказывать и мучиться от сомнений и переживаний, ожидая, чем все это обернется.

– Ну, не будем больше вас задерживать, – спохватилась она, широко и довольно улыbnувшись, а ее небольшие веселые глазки вновь наполнились выражением довольства и безмятежности.

– Быть может, не откажетесь от чаю? – подала голос Катенька, до этого с интересом наблюдавшая сцену, происходящую между супругом и генеральшей.

– Да что вы, душечка! – всплеснула пухленькими, затянутыми в ажурные перчатки ручками Морощкина. – Конечно же, не откажемся!

– Минутку, я распоряжусь, – улыбнулась Катенька и выскользнула из гостиной.

За дверью Катенька не сдержала все-таки смешок, подозвала Груню и велела подать чай, а в комнату вернулась, когда там уже перешли к обсуждению предстоящей коронации Императора. Говорила, конечно, Галина Сергеевна, причем говорила с таким жаром, с каким дети обычно обсуждают предстоящие праздники, а Никита Сергеевич, легко и как-то даже блаженно улыбаясь, кивал головой или то и дело вставлял какую-нибудь фразочку, что еще больше подзадоривало генеральскую вдову. Одна только Наташа была по-прежнему задумчива и больше смотрела на носки своих ботинок или разглядывала узор ковра, но так и не проронила ни единого словечка. Катенька хотела было и ее занять разговором, но быстрый и остерегающий взгляд, брошенный Наташей, остановил этот ее порыв. Она только подумала, что вот этакая задумчивость не свойственна Наташе, надо полагать, ее что-то весьма тревожит.

Подали чай, за которым опять-таки больше всех говорила Морощкина, что, впрочем, несколько никого не смущало и не тяготило, каждый из присутствующих по сути был занят своими мыслями, хотя Карозины вежливо поддерживали и направляли монолог Галины Сергеевны. К концу этого вечера стало ясно, что об неприятном инциденте с векселями их незадачливая хозяйка, кажется, вовсе забыла и более того, испытывала, судя по всему, чувство облегчения. Это чувство наверняка разделял с ней и Никита Сергеевич. Прощаясь с гостями, Катенька все же улучила минуточку и шепнула Наташе, пожимая ее тонкую руку:

– Natali, вас что-то мучит. – Наташа бросила на Катю такой же предостерегающий взгляд. – Если вам захочется это рассказать, вы можете мною располагать, – сказано это было самым дружеским и участливым тоном, и Наташа это поняла и осторожно пожала Катенькину ручку в ответ.

Когда гости покинули особняк Карозиных, Катерина Дмитриевна подошла к супругу и спросила, с лукавой улыбкой заглянув ему в глаза:

– Ну, что Никита Сергеевич, вы собою, надо полагать, довольны?

– Весьма! – искренне согласился Карозин.

– И не жаль вам бедняжку? – уточнила Катенька.

– Бедняжку? – не понимая, переспросил Карозин. – Это генеральшу-то?

– Ох, Никита! – покачала головой Катя. – Ну при чем же здесь Галина Сергеевна? Я про Наташу говорю!

– А что с ней? – слегка нахмурился супруг, увлекая за собой по лестнице Катеньку. – По-моему, очень милая барышня. Правда немного бледна и молчалива, да и худовата на мой вкус чересчур...

– На твой-то вкус... – с непонятной интонацией проговорила Катенька.

– Да что с ней? – Никита Сергеевич остановился у дверей спальни и при свете лампы, взгляделся в Катино лицо.

– А ты не понял, Никита? – осторожно спросила она, отвечая таким же внимательным взглядом. – Эта девушка несчастна. Она очень страдает.

– Ну, Катя, все барышни в ее возрасте несчастны, – не без облегчения вымолвил супруг. – Все страдают от напридуманной любви, или от недостатка этой любви, или...

– Все-то все, – окликнула Катенька, отводя взгляд, – но она несчастна по-особенному... Впрочем, – Катя посмотрела на мужа лукаво, – тебе и впрямь было не до нее. Ты старался очаровать Галину Сергеевну!

– И, кажется, в этом я преуспел, – по-гусарски крутанув усы шутиливо похвалился супруг. – Теперь посмотрим, удастся ли мне очаровать собственную жену! – и, подхватив Катеньку на руки, отчего она не сдержала легкий удивленный возглас, Никита Сергеевич вошел со своей драгоценной ношей в спальню.

Дверь за ними закрылась, и что было дальше – осталось совершеннейшей тайной, хотя на следующий день вся прислуга в доме замечала, что супруги оба так и светятся от счастья.

ГЛАВА ВТОРАЯ

А еще через день Катерина Дмитриевна, только что покончившая с утренним туалетом и проводившая мужа в университет, получила коротенькую записочку от Наташи. В ней было всего несколько слов о том, что Наташа просит ее принять нынче же, в полдень, если, конечно, не затруднит Катерину Дмитриевну. Катенька сдержанно улыбнулась, прочитав это маленькое послание – чего-то подобного она и ждала, – и тут же написала лаконичный ответ.

В полдень Наташа, как всегда, одетая строго в темные тона, что, признаться, весьма удивляло Катерину Дмитриевну, и было, согласитесь, странно для молоденькой барышни, уже сидела в фиолетовом кресле напротив Кати.

– Спасибо вам большое за то, – тихим голосом, видимо, отчаянно конфузясь, заговорила Наташа, пряча глаза и в очередной раз с пристальным вниманием разглядывая носки своих аккуратных ботиночек, – что вы согласились оказать мне услугу...

– Полноте вам, друг мой, – ласково прервала ее Катенька, сияя улыбкой, и даже протянула руку, чтобы пожатием подбодрить бедняжку. – О каких это услугах идет речь? Я предложила вам свое дружеское расположение, вы мне ответили, так что, скорее это вы оказали мне услугу.

Наташа подняла свои серые глаза на Катю и взгляд ее полон был такой признательности, что любое сердце, даже самое холодное и жестокое, дрогнуло бы от этого взгляда. А Катеньке так и вовсе самой захотелось прослезиться.

– Что же вас так мучит, милая моя? – спросила она участливо и нежно, как спросила бы мать или старшая сестра.

Наташа молчала, словно бы все не решаясь открыть свое сердце, но наконец потребность выплеснуть свое страдание, облегчить невыносимую муку молчания перевесила ее опасения и она заговорила. Поначалу тон ее был нервным и сбивчивым, Наташа теребила своими тонкими пальчиками платочек, скользила взглядом по стенам и предметам, ненадолго только останавливаясь на Катином лице, а потом снова отводя глаза, краснея и смущаясь самым отчаянным образом. Она стыдилась, верно, самое себя, но не в силах теперь уже была остановиться и справиться с потоком признаний и слов. Таковы все сдержанные натуры – они могут носить боль и стыд в себе невесть сколько времени, тщательно скрывая ее под маской приветливости или замкнутости, но уж если хоть одно слово вырвется из их сердца, из их уст, то вырвется и все остальное.

– Катерина Дмитриевна! Я не рассчитываю на ваше понимание, потому что понять это невозможно!.. Невозможно оправдать!.. А простить!.. Но вы захотели выслушать меня, а я не могу... Я должна... Я не могу больше... – Наташа сглотнула, пересилила подступившие было слезы и, глубоко вздохнув, словно перед тем, как нырнуть в воду, заговорила снова: – Мне нет прощения! Я совершила самый ужасный для женщины грех! Я избавилась от ребенка! – Катя подавила возглас и опустила глаза. – Мне нет оправдания, меня никто к этому не принуждал, я струсилась сама, я испугалась... Я пошла в один дом и там мне одна акушерка помогла это сделать... Ребеночку было пять месяцев и она сказала, что это была девочка... – Наташины глаза были совершенно сухими и говорила она чем дальше, тем отчетливей и жестче, видимо, не щадя уже никого, ни себя, ни Катю.

– Я даже не стану говорить, что я пережила там, в этом месте, и какие боли, и какие муки. Все это не искупит моей вины. Ничем я не оправдываюсь. И его ни в чем не виню. Сама. Я сама хотела этого, понимаете ли вы меня?! – воскликнула она, зло сузив глаза и посмотрев на Катю. – Впрочем, не важно, понимаете ли вы меня! Мне даже все равно, что вы теперь обо мне подумаете или скажете! Я хотела рассказать о другом! О нем, потому что... – тут Наташа снова глубоко вздохнула и продолжила более спокойно: – Потому что это важно. Моя тетя ничего обо всем этом не знает, да и никто не знает... Какой он?

Наташины глаза слегка затуманились и по ее миловидному бледному личику прошло нечто вроде легкой судороги, отчего Катя тотчас заключила, что каким бы «он» ни был, а Наташа, видимо, любит его со всей силой первой отчаянной страсти.

– Он не похож на других, – с легкой улыбкой сказала она, но тут же смутилась и поправилась: – Так, верно, все говорят. И все-таки он не похож. В нем, знаете, есть какая-то неправильность. И чувство такое всякий раз, как смотришь на него, будто что-то тебя... – она на мгновение задумалась, подбирая слово. – Нечто вроде постоянного раздражителя, что ли. Но не неприятного, не холодного, а теплого и мягкого, понимаете? – она бросила на Катю пылкий взгляд из-под ресниц, Катя поспешила кивнуть, действительно понимая, что имеется в виду. – Он не отпускает от себя, понимаете? А ты и рада бы оставить, но не можешь... Не хочешь этого делать. И в то же время в нем чувствуется такая внутренняя сила, что, кажется, ему все подвластно. Нет, он не красив, то есть, не красив в привычном понимании этого слова, но он... он притягателен, – Наташа подавила вздох. – И я понимаю, что быть с ним опасно, что ни к чему хорошему это не приведет, да и не может привести, но... Я должна быть с ним!

Катя опустила глаза. На какую-то секунду ей самой даже показалось, что она позавидовала, хотя чему? Тому, как отважно это девочка говорит о своей любви? Как отважно бросает вызов, а ведь сейчас Наташа именно бросала вызов. Кому? Чему?.. Обществу? Но что такое общество, в конце-то концов? «Что станет говорить княгиня Марья Алексеевна...»

– И мне все равно, понимаете вы меня? Мне все равно, что о нем говорят и что он сам делает! Я знаю, что мое место рядом с ним! – Наташины щеки залились румянцем.

– Наташа, милая, – осторожно заговорила Катенька, взяв девушку за руку. – Так в чем же дело? Ваша тетушка не хочет отдавать вас за него? В этом причина ваших мук?

– Ах, Катерина Дмитриевна! – в сердцах бросила Наташа, но руки не отняла. – Да ведь он беден! То есть, он, как сказала бы не только моя тетушка, но вот и вы бы сказали тоже... Он мне не ровня! – она с горечью произнесла эти слова. – У него отец, знаете кто? Обходчик путей на железной дороге! Каково это? А сам он – художник, учится в Ляпинке и живет там же! Какая уж там свадьба, какая?

Катя приподняла брови.

– Вот, – болезненно отреагировала на это Наташа, – вот видите, и вы... Кто же меня за него отдаст? А если сама к нему уйду, то что же будет? Я ведь понимаю все это. Да и его винить не могу, сама хотела, сама... И ничего он не знает о нашем с ним ребенке. Даже он ничего не знает. Только вот вы и акушерка. И Господь Бог, – добавила она тише и снова опустила взгляд на ковер.

– Но как же, Наташа?.. – спросила было Катенька.

– Как мы с ним повстречались, хотите узнать? – уточнила Наташа. Катя в ответ кивнула. – Да очень просто. Он художник, я ведь вам говорила. Вот была прошлым летом выставка, мы на нее ездили, тетенька хотела портрет кому-нибудь из них заказать. Мой. Ну вот выбор ее на него и пал. То есть, сначала-то она картину увидела. Знаете, какая картина была? – Катя покачала головой. – Называлась она «Белая нежность». Барышня была на ней, почти еще ребенок. В белом платье, на фоне белой сирени. Вот тетенька и захотела, чтобы и меня он как-то так написал. Я-то не хотела никаких портретов, к чему они, если фотография имеется, но тетенька – ни в какую, вот, говорит, выйдешь замуж, уедешь от меня, а мне на память портрет твой останется. – Наташа слабо улыбнулась. – Она по этой его картине о нем и судила, только вообще-то он пишет вещи страшные чаще... – ее серые глаза сузились. – Но не будем об этом. Так вот, подзывает она его к себе и говорит, так, мол, и так, сударь, не возьметесь ли за работу?.. Это он мне потом сказал, что ни за что не согласился бы, ни за какие деньги, но вот меня увидел... – Наташа протяжно вздохнула. – И я, не поверите, наверное, Катерина Дмитриевна, как только в глаза ему посмотрела, так внутри все и оборвалось. Не поверите? – доверчиво, словно маленькая девочка, спросила она, заглянув Катеньке в глаза.

– Отчего же, Наташенька? – мягко улыбнувшись, проговорила Катенька, вспомнив кое-что и из своей жизни. – Поверю.

– Так вот и со мной было. Вот и начал он к нам ходить, меня писать. А я сижу перед ним, ни живая ни мертвая, как в глаза мне глянет, так словно прижжет. Тетенька поначалу с нами была, а потом как-то к нему попривыкла, да и ко мне тогда один военный сватался, да и не думала она никогда даже, что на нищего художника можно как-то иначе посмотреть, понимаете меня? – Катя кивнула. – Ну так вот, после, недели уж через две, она нас оставлять с ним стала. Сначала так, минут на пять, а потом и вообще перестала почти в гостиную заходить. Так только, на портрет глянуть. Тут они, кстати, сильно поначалу спорили. Ему хотелось меня в темно-синем написать, а тетушка на белом настаивала, но он ее все-таки переубедил, и она сдалась. Портрет, кстати сказать, удался... Это я не к тому говорю, чтобы собой похвалиться, – тут же добавила она. – Я на нем вообще такая, что сама себя не узнаю, но тетушка довольна, а он говорит, что вот такой меня и видит.

– Интересно бы взглянуть, – промолвила Катенька.

– О, да ради Бога, он в большой гостиной висит, над камином, приезжайте и посмотрите.

– Хорошо, – улыбнулась Карозина. – Заеду обязательно.

– Вот, – продолжила Наташа, – мы с ним общались, то о книгах поговорим, то еще о чем. Только не это все главное, главное – его глаза. Он мой портрет полтора месяца писал, до тех пор, пока тетушка не стала недовольство потихоньку проявлять. Пришлось ему заканчивать. А после уж мы с ним так встречались. У нас родственница одна есть, Полина Михайловна. Я к ней раз в неделю захожу, проведать, да и кое-что от тетушки передать. В Замоскворечье она живет, у нее муж купец был, да что-то там стряслось, разорился да и помер. Вот теперь тетушка ей и помогает. Женщина она хорошая, ей и рассказывать ничего не пришлось, сама все поняла и сказала мне: «Наташа, уж коли любишь, то не бойся ничего! Уж лучше любить да ошибки делать, чем вовсе не любить! Если сейчас струсишь, то потом никогда себе этого не простишь!» У нее самой в молодости какая-то история такая была... Словом, там мы с ним и встречаемся.

Катя слегка нахмурилась, не то чтобы не разделяя такой вот взгляд, но считая, что не следует все ж таки говорить такие вещи молоденьким барышням. Впрочем, Наташа не походила на тех, кто делает что-то только по чьему-то совету. Видимо, она привыкла принимать решения сама за себя, что было даже и удивительно для ее возраста и воспитания.

– Вот, Катерина Дмитриевна, – вздохнула Наташа. – Но это не все еще, что я вам сказать хотела. Дело в том, что когда портрет был закончен, тетенька решила его на ужин пригласить и говорит, мол, можете и друзей своих привести. Пришло их человек двенадцать, и знаете, что я думаю?

– Что же? – спросила Катенька.

– Что, может быть, кто-то из них эти векселя-то?.. – неуверенно проговорила она, и сама, кажется, испугалась сказанного.

– Но ведь, Наташа, – тут же заговорила Катенька серьезней, – сделать это мог человек, который знал о том, что эти векселя у Галины Сергеевны имеются, и даже то, где они лежат тоже. И потом, чтобы подделку изготовить, время, мне кажется, требуется, то есть этот человек должен был принести их уже с собой и подменить. А если все так, то кто... Прости меня, но кто, как не этот молодой человек?.. Как его зовут-то?

– Михаил Соколов, – ответила Наташа тише прежнего. – Только вы не подумайте, что я на него такое... – обидчиво проговорила она. – Нет, но только вот никто чужой в нашем доме не бывал, а векселя-то все-таки фальшивые! Супруг ваш вчера правильно все сказал тетушке, только ему, по-моему, самому не хочется... Ну, вы понимаете меня?

– Ты права, Наташа, – кивнула Катенька. – Ему-то не хочется, только мы с тобой это дело так не оставим!

– Да, мне важно узнать, что он ни к чему этому не имеет никакого отношения! – искренне промолвила Наташа и Катя не удержалась, пожала ручку этой милой отважной девочке.

– Значит так, Наташенька, – через некоторое время произнесла Катя. – Первым делом нам следует выяснить, кто же мог подменить эти векселя, если, конечно, их подменили.

– Катерина Дмитриевна, тетушка говорила, что проверял их тогда... или как там это называется? Ну да вы понимаете? – Катя кивнула. – Так вот, тогда их заверял нотариус Гольдштейн, именно к нему всегда дядя обращался.

– Это хорошая новость, Наташа, – довольно улыбнулась Катенька. – С нотариуса и начнем, таким образом хотя бы выясним, кто был тот человек, от которого Михаил Иванович получил векселя на такую сумму. Пять тысяч, говоришь?

Наташа кивнула.

– Хорошо, я съезжу к этому нотариусу. Кажется, одна из моих родственниц может мне помочь его найти. А ты пока вот что, Наташенька, ты сама подумай еще раз и припомни, где у тетушки эти векселя хранились, и кто мог о них знать, хорошо?

– Да, Катерина Дмитриевна, – согласилась Наташа. – Я все сделаю, как вы скажете. Мне просто невыносима сама мысль о том, что Мишель может...

– Ничего никому пока не говори, тут же попросила Катенька. – И ему, увы, тоже. Сначала узнаем, кто же был тот проигравший, – и Катя еще раз вполне довольно улыбнулась.

После того, как Наташа, успокоенная и обнадеженная, покинула Катю, договорившись с ней о том, что завтра же Карозина заедет к Галине Сергеевне, Катенька принялась за сборы. Безусловно, помочь отыскать ей некоего нотариуса с фамилией Гольдштейн, могла только одна особа – Анна Антоновна Васильева, дальняя Катенькина родственница, вдова и хозяйка небольшого литературного салона. Ко всему прочему, Анна Антоновна увлекалась различными спиритическими явлениями и самой разнообразной магией, для нее это было нечто вроде вышивания – занятие для свободных вечеров. По причине такового довольно странного, хотя и не редкого нынче развлечения, Никита Сергеевич Анну Антоновну не жаловал, и она отвечала ему полнейшей взаимностью. И хотя Карозин не запрещал своей супруге видаться с этой экстравагантной, как он полагал, особой, но предпочитал самолично с ней не сталкиваться.

Катерина Дмитриевна оделась в новое светлое платье, полученное только два дня назад от портнихи, m-m Rohsa, сшитое по последней лондонской моде – узкое, приталенное, с турнюром и кружевной отделкой. Груня убрала роскошные Катенькины косы в высокую прическу и помогла одеть небольшую, в тон платью, шляпку. За это время лошадей уже заложили и, прихватив перчатки, Катенька вышла из дома, велев передать Никите Сергеевичу, что если, мол, она задержится, так пусть муж не волнуется, она у Анны Антоновны.

К этой милой женщине Катенька могла ехать без предупреждения, настолько Анна Антоновна всегда рада была ее видеть. Поэтому Катенька села в легкий изящный двухместный экипаж с открытым верхом и кучер, стегнув хорошеньких выхоленных гнедых лошадок, выехал из Брюсовского на Тверскую улицу, как всегда – а нынче, в ожидании коронации, особенно – полную самого разного народу, который, кстати сказать, изрядно по временам затруднял продвижение. Городские жители, понятное дело, под копыта лошадей не лезли, а вот многочисленные деревенские, собравшиеся в Первопрестольную по торжественному случаю со всех окрестных селений, то и дело вызывали недовольный окрик карозинского кучера.

Добрались до Петровских ворот, но и тут легче не стало – на углу застрял водовоз, и пока ждали, когда он проедет, кучер сердито сплевывал и что-то там сердито ворчал себе под нос. Однако уже в Каретном ряду дело пошло на лад, и очень скоро экипаж свернул в Средний Каретный переулок и остановился перед классический особняком в три этажа, с обилием дорических колонн и высоким крыльцом. Здесь и жила Анна Антоновна.

Денек выдался преотличнейший, и пока ехали по городу, в котором уже вовсю чувствовалась атмосфера предстоящего через несколько дней торжественного события, Катенькино настроение, и без того хорошее, еще только улучшилось, возможно, благодаря совсем даже не погожему весеннему деньку, а тому, что она снова ощутила то пьянящее чувство азарта от предвкушения нового расследования. Кто знает, возможно, именно поэтому она и участвовала, и даже с радостью участвовала, в этих расследованиях?

В просторном холле с непрямым чучелом бурого медведя с серебряным подносом на вытянутых лапах – кстати, эта мода уже отходила в прошлое – Катеньку встретил слуга Антон, разублававшийся ей, как старинной знакомой, и без доклада повел ее в кабинет хозяйки, находившийся под лестницей. Это было нечто вроде библиотеки, отделанной в темный тонах, с книжными полками красного дерева, полностью заставленными разнообразнейшими фолиантами, в основном довольно странного содержания. Здесь были самые разные руководства по магии и оккультизму, толкования снов и предсказания, гадания и даже фокусы. Что и говорить, а вкус книгам у Анны Антоновны был довольно своеобразный. Сама она сидела на кожаном диване, а перед ней на столе лежала раскрытая книга.

– Катенька! – радостно воскликнула Анна Антоновна, едва Катенька ступила на пушистый темно-бордовый ковер. – Как же я рада тебя видеть! Иди сюда, голубка, я тебя поцелую! – и Анна Антоновна уютно похлопала ладонью по дивану рядом с собой.

– Добрый день, – улыбаясь, ответила Катенька и, сев рядом, поцеловала в щеку свою родственницу.

Анна Антоновна была дамой слегка за сорок, как говорят французы – очаровательной полноты, но при этом сохранила еще большую часть своей женской привлекательности. Ее живые карие глазки по-прежнему горели лукавым огоньком, а темные косы еще почти и не тронула седина. Одевалась она по последней моде, вот и сейчас на ней было домашнее платье в мелкий рисунок, сшитое по модели последнего английского журнала. А чепцы, которые принято носить дамам ее возраста, Анна Антоновна вообще не признавала. Поговаривали, что среди ее поклонников и по сию пору числились весьма молодые люди.

– Что случилось, голубушка? – спросила Анна Антоновна, слегка отстраняясь и закрывая раскрытую книгу, как успела заметить Катенька, о каких-то индийских гаданиях или что-то в этом роде. – Выглядишь ты замечательно, – добавила она с легкой ласковой улыбкой.

– Что же, вы полагаете, что я так вот просто к вам и приехать не могу? – лукаво заметила Катенька.

– Отчего же, голубка, – мягко возразила Анна Антоновна, – можешь, конечно, можешь, но меня-то ты не обманешь, вижу, что на сей раз у тебя ко мне дело.

– Вы правы, – вздохнула Катенька, – но дело очень простое и даже и не дело, а так, за советом я к вам.

– Что же, можешь спрашивать любого моего совета, ты знаешь, я всегда к твоим услугам. Только вот чаю велю нам подать, – и она, потянувшись к стене, дернула за пеструю ленту звонка.

Почти сразу на пороге появился Антон и, получив распоряжение насчет чаю, деликатно удалился.

– Ну, рассказывай, – повернулась к Катеньке Анна Антоновна и тотчас будто вся обратилась в слух.

– Дело вот в чем, – начала говорить Катенька, – вчера к нам пожаловала госпожа Морошкина, вы ведь ее знаете?

– Галину-то Сергевну, эту вечно юную хохотушку? – с полуулыбкой уточнила Анна Антоновна. – Как же мне ее не знать. А тебе вот известно, что Морошкин, царствие ему небесное, женился на ней на Украине, когда был там, на маневрах, что ли? Очаровала его местная панночка.

– А я все удивляюсь, что за имя у нее такое редкое, – как бы про себя заметила Катенька.

– Да, – подтвердила Анна Антоновна. – Ну так что у нее стряслось?

– Она хотела получить деньги по векселям, которые пару лет назад ее супруг получил за карточный долг, но в банке выяснилось, что векселя – поддельные, а по настоящим деньги давно уже получены. Правда вот когда, этого я к сожалению, не знаю.

– Ах, вот как! – всплеснула ручками Анна Антоновна. – И что, большая сумма? Хотя ей-то, конечно, сумма не важна, но сам факт!

– Да и сумма приличная, – ответила Катенька. – Пять тысяч рублей.

– Вот это новость! – еще больше изумилась Анна Антоновна. – И что же, она к вам, значит, со своей бедой пришла? Никита-то твой ей на этот раз не отказал? – Она была в курсе того, как Никита Сергеевич относится к расследованиям, в которых волею случая, да и собственного, следует это признать, желания, принимает участие его жена.

– Никита, – усмехнулась Катенька, – нет... Никите удалось ее переубедить, что не стоит, мол, всем этим заниматься. Но вот я так не считаю, поскольку на это у меня есть веские причины. Только вы уж меня простите, Анна Антоновна, но вам я их не открою. Это не моя тайна.

– Что ж, очень подозреваю, что тут не обошлось без одной молодой особы, проживающей в доме Галины Сергеевны? – полуспросила, полууточнила Анна Антоновна, чем, признаться, немало удивила Катеньку, но тут же спохватилась: – Я и не настаиваю.

– Кстати, особа эта, если тебе это тоже не известно, живет у Галины Сергеевны пятый год, до этого ее отец служил по военному же ведомству в столице, а маменька скончалась, когда Наталье и пяти лет не было. Девушка она скромная и неглупая, к тому же невеста с хорошим приданым.

Катя помолчала.

– Ладно, оставим, – промолвила Анна Антоновна. – Так ты говорила, тебе мой совет нужен?

В этот момент Антон принес поднос с чайными принадлежностями и, поставив его на стол, удалился. Анна Антоновна налила чаю в тонкие фарфоровые чашки и посмотрела на Катеньку вопросительно.

– Да, совет, – кивнула та. – Хотя, не знаю, можно ли это так назвать, – Анна Антоновна сделала нетерпеливый жест. – Словом, вы как-то говаривали мне, что ведете дела с нотариусом Гольдштейном. Ведь я от вас слышала эту фамилию?

– От меня, от меня, – покивала Анна Антоновна. – А что, выходит, и Михаил Иванович с ним дела вел? Вот уж не знала.

– Да, – подтвердила Катенька. – Так вот, мне бы с ним увидеться и поговорить. У него ведь должны быть какие-то бумаги, подтверждающие подлинность тех векселей?

– Ну, если он и вправду вел дела Михаила Ивановича, то, конечно, должны быть, куда же им деваться. – Анна Антоновна замолчала, прищурился глаза. – Вот что, Катенька. Мы с тобой сейчас пьем чай, а после поедем-ка к нему, к Марку Соломоновичу. Уж мне-то в таком деле он точно не откажет, да и мое присутствие избавит тебя от объяснений. Согласна?

Катя признательно улыбнулась и кивнула. Она и не ожидала такого горячего участия.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Нотариус проживал неподалеку – в Петровском переулке, куда Катенька с Анной Антоновой добрались в карозинском экипаже. Они въехали в ворота многоквартирного дома, на обширном дворе которого располагались, по всей видимости, различные службы и конюшня, и Васильева, отлично знающая дорогу, указала на боковой подъезд с левой стороны от ворот. Катенька тут же увидела вывеску и подивилась тому, что скромная табличка с именем нотариуса не висит с проезжей стороны улицы.

Дамы вышли из экипажа. По обеденному времени двор был непривычно пуст, но тут из подвального помещения появился здоровенный чернобородый дворник в засаленном фартуке и старом картузе. Увидев незнакомых дам, он было скорчил недовольную рожу, но Анна Антоновна не обратила на него ни малейшего внимания, а нарочито громко сказала Катеньке:

– Катюша, я знаю, он в такое время дома, – и пошла в подъезд.

Катя последовала за ней. Контора нотариуса располагалась прямо на первом этаже и Анна Антоновна деловито постучала по крепкой двери кончиком летнего зонта, который она прихватила с собой.

Через пару мгновений эта массивная дверь распахнулась и на пороге предстал мальчик-подросточек. Черные и кудрявые его волосы и большие влажные глаза, а также удлинённый овал лица и хищный нос с заметной горбинкой, заставляли подозревать, что мальчишка – близкий родственник нотариуса. Так и оказалось.

– День добрый, – вежливо поклонился он, признав Анну Антоновну и добавил: – Проходите, дядя здесь.

Дамы пошли за мальчиком внутрь конторы, состоящей из трех комнат – прихожей, приемной и собственно конторы, где их встретил самолично Марк Соломонович. Внешность его удивила Катеньку – он поразительно походил на собственного племянника. Точнее, это племянник был полной копией дяди. Марк Соломонович был лет около пятидесяти, но сохранил еще юношескую гибкость членов, был довольно высок, строен, а черные и кудрявые его волосы были аккуратно подстрижены и только слегка серебрились на висках. Лицо его, продолговатое, с характерным носом, почти не имело возрастных морщин, только у тонких губ лежали две складки, а большие и влажные карие глаза, спрятанные за пенсне, смотрели не без задора, хотя и с надлежащим почтением. Одет он был строго и аккуратно, как и все нотариусы – в черный костюм-тройку и белую сорочку с крахмальным воротничком, а шелковый галстук был повязан не без щегольства. Глядя на него, Катенька отчего-то подумала, что этот нотариус принадлежит к породе, как выражался Аверин, «хитрых лисов», и еще о том, как хорошо, что Анна Антоновна поехала с ней.

– Добрый день, добрый день, милые дамы, – мягко проговорил Марк Соломонович, склоняясь над ручкой Анны Антоновны. – Чем обязан столь лестному визиту? – и хитро прищурился, переведя взгляд на Катеньку.

– Здравствуй, Марк, – ответила на это приветствие Анна Антоновна, и Катеньку удивило в очередной раз, что она с ним на «ты». – Вот, привезла к тебе мою родственницу, безмерно мной обожаемую. Знакомься, Катенька, это и есть Марк Соломонович Гольдштейн. – Катя кивнула и улыбнулась. Нотариус ответил приятной улыбкой и заинтересованным взглядом. – А это Катерина Дмитриевна Карозина. Мы к тебе, Марк, по одному весьма деликатному вопросу.

– Ах, ну у меня же все вопросы деликатные, – тотчас откликнулся нотариус и предложил дамам сесть в высокие кресла, а сам занял место за обширным столом, который занимал добрую половину небольшой его конторы. Другую половину занимал шкаф с хитроумным замком, а у двери еще и пристроился сейф. – Я весь внимание, дражайшая Анна Антоновна, – проворковал он, впрочем, без всякого подхалимажа.

– Катюша, ты не против, если я сама всю эту историю изложу? – глянула на Катеньку Анна Антоновна, и Катя согласно кивнула. – Ну, а ты, если что не так, поправишь. В общем, так, Марк, – заговорила Анна Антоновна, глядя на нотариуса, – дело это давнее... Сколько?.. Да уже года два, должно быть, прошло. Еще когда Михаил Иванович Морошкин был жив, помнишь ты такого?

– Ах, ну как же мне его не помнить, – снова откликнулся Марк Соломонович.

– Так вот, дело касается векселей на пять тысяч, которые ты заверял. Помнишь такое дело?

Гольдштейн помолчал, энергично подвигал тонкой ленточкой бровей, причем его пенсне осталось на месте, что снова удивило Катеньку, а затем порывисто поднялся и шагнул к шкапу. Погремев связкой ключей и повозившись с замком, он наконец открыл дверцу и деловито принялся что-то там искать. Через несколько минут он положил на стол перед собой довольно объемный фолиант.

– Если же память мне не изменяет, – с улыбкой сказал он, открывая книгу, – а она мне не изменяла до сих пор, то то, что вас интересует, многоуважаемые дамы, должно находиться именно здесь. Посмотрим. – Он зашуршал листами, просматривая записи. – Я же почему это помню, Анна Антоновна, – то и дело поглядывая на Васильеву, заговорил он. – Не только потому, что Михаил Иванович был одним из моих лучших клиентов, но и потому, что когда меня вызвали заверять эти векселя, я же точно это помню, как сейчас, – он прищурился и пробежал тонким пальцем по странице. – Так вот, – Марк Соломонович недовольно качнул головой и перевернул лист, – меня в первую очередь поразила внешность того молодого человека, что оплачивал свой проигрыш. А знаете, что в нем было удивительного?

– И что же? – с легкой, какой-то покровительственной улыбкой, спросила Анна Антоновна.

– То, что он был чрезвычайно красив. Да-да, многоуважаемые дамы, – многозначительно добавил он. – Такая внешность для мужчины, это большая редкость.

– Ну и что, каков он был собой? – уточнила Васильева не без интереса.

– Породистый такой, – на минуту отвлекся от книги Гольдштейн. – Синеглазый брюнет. Ах, ну вот же ж оно! – нотариус довольно улыбнулся и покивал головой. – Вот, конечно же. Звали его Ковалев Сергей Юрьевич, коллежский советник. А проживал он тогда на Чистопрудном бульваре. Да, вот так у меня все и записано.

Услышав это имя, Катенька слегка вздрогнула и заметно побледнела. Ей тут же вспомнился непростительно красивый жгучий брюнет с пронзительно-синими глазами, и то, как она с ним познакомилась, и то, какой была его смерть, и... И тот ужасный, последний и тяжелый его взгляд. Господи, ну вот разве думала она, что ей снова придется с ним повстречаться? Точнее, не с ним лично, разумеется, но снова напасть на его след? Ведь она старалась забыть всю ту историю, все вообще о том времени забыть, но вот... Катя тяжело и глубоко вздохнула и покачала головой.

– Тебе знакомо это имя? – тотчас отреагировала Анна Антоновна. – Подожди-ка, а это не тот ли господин... – ее карие глазки прищурились, но Анна Антоновна прикусила язычок. Нотариус поглядывал на дам с особенным интересом.

– Значит, векселя были подлинными? – медленно промолвила Катенька, отогнав от себя усилием воли неприятные и болезненные воспоминания.

– Ах, ну безусловно же, конечно же, подлинные, – ответил Марк Соломонович совершенно уверенно и спокойно. – Я могу вам за это поручиться, уважаемая госпожа Карозина. Я самолично проверял, а я в этом деле кое-что понимаю. Молодой человек ставил подпись. Ошибки быть не могло.

– Что же, – помолчав немного промолвила Катенька. – Вы нам помогли. Спасибо. Значит, это исключено.

– Ах, ну конечно же, – все в той же ровной интонации подтвердил Гольдштейн. – Угодно что-нибудь еще? – вежливо осведомился он.

– Нет, это все, что мы хотели узнать, – ответила Анна Антоновна, посмотрев на Катеньку пристальней. – Что ж, спасибо, Марк.

– Ах, ну позвольте же, я вас провожу, – он поднялся из-за стола следом за дамами и проводил их до входных дверей, у которых еще раз приложился к ручке Анны Антоновны, а Катеньке почтительно поклонился.

– Всего вам самого наилучшего, – попрощался он с дамами.

– До свидания, – пролепетала Катенька, спускаясь по невысокой лестнице.

– Ну так что? – озабоченно поинтересовалась Анна Антоновна, когда обе они при помощи карозинского кучера сели в экипаж, который уже выехал со двора.

– Анна Антоновна, – задумчиво проговорила Катенька, – а вы вполне ему доверяете?

– Марку-то? – вскинула брови Васильева. – Да, вполне. Он хитрый лис, но я ему доверяю. Интересы его клиентов для него важнее всего, и он чрезвычайно дорожит своей репутацией. Марк не способен на двурушничество, так, кажется, это называется.

– Что ж, это хорошо, – покивала Катенька.

– А Ковалев этот, он не тот ли человек, что застрелился пять или шесть месяцев назад, когда, помнишь, ты пыталась помочь в расследовании графининой смерти?

– Он самый и есть, – снова не удержалась от вздоха Катенька.

– Что же, и впрямь был так хорош? – с лукавым интересом спросила Анна Антоновна.

– Так, именно так, – печально ответила Катенька. – Но он был не только вот так хорош, – добавила она, опуская глаза, – он был страшен. Это был страшный человек, – и Карозина замолчала надолго.

Анна Антоновна кинула на нее еще несколько заинтересованных взглядов, но печальное молчание Катеньки так и не решилась нарушить. А Катерина Дмитриевна, между тем, думала вот о чем. Вспомнив Сергея Юрьевича Ковалева, она вспомнила и все обстоятельства того дела, в котором ей пришлось принимать участие. Дело о графининой смерти было, что называется, полно щекотливых подробностей, но во всей этой истории присутствовали поддельные, как выяснилось позже, рекомендательные письма. После же смерти главных злодеев – господина Ковалева, как уже известно читателю, покончившего жизнь самоубийством, и его сообщника Николая Ольшанского, которого, к слову сказать, сам Ковалев тоже не пощадил, решено было как можно скорее унять шум, поднявшийся было в прессе. Графиня К. занимала далеко не последнее место в московском свете, а ее племянница, по просьбе которой Катенька и взялась за расследование, очень болезненно реагировала на регулярно циркулирующие о своей тетушке слухи. Словом, дело замяли, поскольку главные ответчики были мертвы. И при этом выпустили совершенно из виду, что в нужные им дома эти два страшных человека попадали как раз через поддельные письма.

И вот теперь, подумав о поддельных векселях, Катенька подумала и о том, что обе эти истории оказались связаны не только именем Сергея Юрьевича. И тогда, и вот теперь, был с ним и с Ольшанским еще кто-то, кто помогал им, но оставался все это время в тени. И этот кто-то прекрасно подделывал чужой почерк. Когда же именно были подменены векселя? Об этом могли сообщить в банке и из этого сообщения можно было бы сделать вывод и о том, когда, или хотя бы примерно когда, были выкрадены настоящие бумаги и заменены подделкой. Ведь деньги-то, все пять тысяч, были кем-то получены. Выходило, что нужно ехать в банк. Что ж, кое-кто из банковских служащих был знаком им с Никитой. Катя вспомнила вечера у Поляковых. Кажется, фамилия этого человека была Никифоров, а вот имя? Впрочем, не это главное.

Конечно, проще всего было бы обвинить во всем того молодого художника, уж кто как не художники горазды на подделку почерков? Но Катенька не спешила с этим выводом. Слиш-

ком уж он сам напрашивался в главные подозреваемые, то-то и было подозрительно. И потом, Наташа... Девочку было искренне жаль. Не следует торопиться с обвинениями, ведь известно, что лучше оправдать закоренелого преступника, чем обвинить честного человека, не имеющего к преступлениям никакого отношения. «Попробуем съездить в банк», – решила для себя Катенька и успокоенно улыбнулась.

– Спасибо, Анна Антоновна, – заговорила она веселей, когда коляска уже подъехала к васильевскому особнячку. – Я вам так признательна, что вы поехали со мной.

– Ну что ты, голубка, – потрепала ее по руке Анна Антоновна, – какие тут благодарности. Всегда рада тебе помочь. Да и для меня это было развлечением. Если что-то еще вдруг понадобится, ты знаешь, что я всегда готова помочь. А теперь целуй меня, деточка, да я пойду.

Катенька послушно поцеловала свою родственницу в подставленную щеку, и госпожа Васильева вышла из экипажа.

– Всего тебе хорошего, голубка моя, – сказала она на прощание.

Катя махнула ей ручкой и велела кучеру ехать к зданию банка, что на Рождественке. Именно там, как обмолвилась ей еще давеча Наташа, Галина Сергеевна и пыталась получить по векселям деньги.

Кучер от Петровский ворот поехал по Кузнецкому мосту, забитому, как всегда, прогуливающимся народом, повозками и экипажами дам, посещающих многочисленные магазины. По вечерам, Катенька это знала, здесь народу не меньше, только вот цель иная – театры, Большой и Малый. Они с Никитой и сами нередко сюда ездят. Да и высокое здание магазина «Мюр и Мерилиз» ей знакомо, вот как раз его миновали. На углу Неглинной пришлось задержаться, поскольку два экипажа впереди никак не могли разъехаться. В одном из них сидела красивая высокомерной красотой дама в фиолетовом платье и, презрительно выгнув капризные губки, наблюдала за тем, как ее кучер перебранивается с другим, заставляя того освободить им дорогу. Второй экипаж был куда скромнее и сидели в нем два молоденьких господина, возможно, студенты, что трудно было утверждать наверняка, поскольку надеты на них были сюртуки.

Везший их «ванька» было начал перебранку с хозяйским кучером, но потом все же уступил после того, как один из молодых людей наклонился к нему и что-то проговорил. Дама высокомерно им кивнула, а молодые люди в восхищении приподняли мягкие модные шляпы. Проезд освободился и карозинский экипаж поехал дальше, к углу Рождественки, где и располагалось здание Торгового банка. Кучер остановился у подъезда, между прочих экипажей, и помог Катеньке выйти.

Высокие стеклянные двери ей открыл средних лет швейцар и, войдя в просторный и светлый вестибюль, Катя направилась к широкой и длинной стойке, где ей тотчас приветливо и выучено улыбнулся молодой клерк.

– Чем могу быть полезен, сударыня?

– Не уверена, – чуть улыбнувшись в ответ, проговорила Катенька, – что вы сможете мне помочь. Дело несколько запутано, и мне бы хотелось поговорить с... – она на минуту прищурилась, припоминая. – Господин Никифоров, вот кто сможет мне помочь. Надеюсь, – добавила она с некоторым сомнением, тут же подумав, что, может, не стоило спешить. – Передайте, что к нему госпожа Карозина.

– Одну минуту, – вежливо улыбнулся клерк и куда-то исчез.

Катенька вздохнула и прошла к диванчику, стоявшему у стены. Что ж, раз господин Никифоров здесь, то ничего другого не остается, придется поговорить с ним... Однако времени для сомнений и волнений уже не осталось, поскольку к ней вернулся тот самый милый юноша и попросил следовать за ним.

Катя вошла в боковой вход, поднялась по лестнице на второй этаж, и у дубовой двери молодой человек ее оставил, предварительно, впрочем, отворив ее перед Катей.

– О! – тут же попала она чуть ли не в объятия добродушного толстяка, поскольку хозяин кабинета поднялся ей навстречу из-за обширного стола и пошел, распахнув руки. – Милая Катерина Дмитриевна! – Катенька несколько оторопела, не ожидая, что этот господин Никифоров может ее так хорошо запомнить. – Чем могу быть полезен вам? – он склонился к ее ручке и проводил до кресла. – Польщен вашим вниманием, это такая честь для меня! – Катя выгнула бровки, подумав, уж не переборщил ли Никифоров с лестью, но тотчас все и выяснилось, поскольку он, понизив голос, тут же добавил, усевшись за свой огромный стол:

– Должно быть, новое расследование, не так ли?

– Так, – не удержав улыбки, кивнула Катенька. – И вы можете мне в этом помочь.

– Что же, всегда, всегда только рад оказать услугу лично вам и вашему супругу, – красноречиво покачав большой лысоватой головой, заверил ее Никифоров.

«Как же его все-таки зовут? – чуть нахмурившись, попыталась снова вспомнить Катенька, но так и не смогла. – Пантелеймон Терентьевич? Пантелеймон Прокофьевич? Как-то так, но вот как именно? Бесполезно», – она вздохнула.

– Дело вот в чем, господин Никифоров, – заговорила она, видя, что собеседник буквально превратился в слух и так и буравит ее своими большими водянистыми глазами навывкате.

– Да что вы, Катерина Дмитриевна, – тут же перебил он. – Уже не раз мы с вами встречались, а вы все по-прежнему со мной так официально держитесь, – добродушно, как отец, пожурил он ее. По возрасту, впрочем, он ей как раз и годился в отцы. – Зовите же меня наконец по имени-отчеству, Прокофий Пантелеймонович.

Катя признательно и облегченно заулыбалась и только было открыла ротик, чтобы рассказать, наконец, зачем она его побеспокоила, но Никифоров ее снова перебил:

– Не желаете ли чаю?

– Не откажусь, – вежливо ответила она, понимая, что лучше с ним не спорить даже в мелочах, тогда, может, и толку больше выйдет.

– Замечательно, сейчас нам его подадут! – и тут же дверь открылась и на пороге предстала миниатюрная барышня с подносом. – Это я уж заранее распорядился. Знал, что не откажетесь, – довольно ухмыльнулся Прокофий Пантелеймонович, демонстрируя всем своим видом родительскую опеку над Катенькой.

Наконец чай был разлит в тонкие белые чашки, барышня удалилась и Катенька снова сделала попытку рассказать, в чем суть дела. На этот раз Никифоров и правда слушал ее с самым пристальным вниманием. И по мере того, как она говорила, Катеньке становилось понятно, что кое-что из обстоятельств этого дела Прокофию Пантелеймоновичу уже известно. «Тем лучше, – подумала она про себя. – Наверняка поможет. Уж больно ему самому хочется в сыщика поиграть». Она ничуть не ошиблась, ибо через полчаса уже покинула кабинет, да и здание банка, во вполне хорошем настроении, а Прокофий Пантелеймонович, целуя ей на прощание ручку и передавая наилучшие пожелания Никите Сергеевичу, не преминул добавить, что всегда рад оказать помощь. И сказано это было самым недвусмысленным тоном, мол, даже не сомневайтесь, помочь смогу только я.

По дороге домой Катенька обдумывала услышанное от Прокофия Пантелеймоновича. А услышала она вот что. Как оказалось, те самые злосчастные векселя были предъявлены к оплате около года назад. Точнее, прошлым летом. Прокофий Пантелеймонович даже какие-то бумаги по этому поводу показывал и выходило, что деньги по векселям были получены в июне месяце. То есть, еще тогда, когда господин Ковалев – тут Катенька снова вздохнула, припомнив гордого красавца – был еще жив. Получалось, что по времени вполне могло оказаться так, что и подменил, а возможно, и подделал векселя тот самый художник, к которому Наташа пылала такой серьезной страстью. И опять этот вывод, лежащий, казалось бы, на поверхности, Катеньку не удовлетворил. Именно из-за того, что лежал он на поверхности.

Было тут что-то другое, но вот что и как до этого «другого» добраться, она не знала. Даже и не знала еще, с какой стороны попробовать, образно выражаясь, потянуть веревочку. Впрочем, время близилось к обеду и Катенька решила пока оставить свои размышления, справедливо рассудив, что, во-первых, лучше пока держать от Никиты в секрете то, что она все же взялась за это дело, а во-вторых, следует встретиться с Наташей, обещавшей кое-что узнать.

Экипаж подъехал к карозинскому особнячку, Катенька вышла из него и велела распрягать. В доме большие часы в прихожей показывали без четверти пять, чему она порадовалась, так как Никиты еще не было из университета, хотя и должен был он вернуться с минуты на минуту.

Груня тотчас доложила, что обед готов и еще то, что Никита Сергеевич не далее как пару часов назад звонил по новомодному приобретению, аппарату господина Белла, который был куплен перед Рождеством и, как подозревала сама Катенька, именно затем, чтобы можно было в любой момент связаться и узнать, чем она занимается. Так вот, Никита Сергеевич звонил и сообщил, что задержится в Английском клубе, членами которого они с Авериным, закадычным его другом, стали совсем недавно.

– Спасибо, – улыбнулась Катенька в ответ. – Ты ему сказала, что я у Анны Антоновны?

– Конечно же, Катерина Дмитриевна, – послушно кивнула хорошенькой белокурой головкой Груни. – Никита Сергеевич ничего не сказали по этому поводу. Только, кажется, выругались, – тише добавила она.

– И это никого не удивляет, – со вздохом откликнулась Катенька. – Что ж, подавайте обед. Я проголодалась.

Горничная еще раз кивнула и удалилась, а Катя прошла в столовую и уселась за стол. Никиту нечего ждать раньше одиннадцати, подумала она. Говорить ему, конечно же, ничего не следует, а то он опять разозлится не на шутку и, чего доброго, опять все обернется ссорой. Но в то время, как Катерина Дмитриевна решила для себя упрямо молчать о новом расследовании, ее супруг решил кое-что другое.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Английский клуб, считавшийся в Москве старейшим, занимал единственный уцелевший на Тверской после пожара 181 года дворец. Выстроено это великолепное здание было лет сто с лишним назад поэтом Херасковым, при Екатерине в нем происходили тайные заседания масонов, а после их ареста в конце восемнадцатого столетия дворец перешел во владение графа Разумовского, который распорядился пристроить ко дворцу два боковых крыла. Роскошное здание с обилием залов с мраморными колоннами, где с тех пор собирался цвет московского, да и вообще всего российского общества, с 1831 года принадлежало Английскому клубу, который в свое время посещали и Пушкин, и Грибоедов, и граф Толстой, да и многие другие видные и знаменитые люди. После Разумовских зданием владел Шаблыкин, большой гурман и умелец устраивать замечательные обеды и ужины по средам и субботам.

Розовый дворец с белыми стройными колоннами, с лепниной на фасаде и гербом Разумовских, с каменными львами у ворот, с неизменной толчеей разнообразнейших колясок и экипажей, кучера которых поджидали своих хозяев порой до самого утра, каждый вечер гостеприимно принимал своих «членов».

Карозин, которому наведаться туда нынче предложил старый университетский товарищ и близкий друг, а с некоторых пор и родственник – Виктор Семенович Аверин, захвативший к нему на кафедру, вышел из аверинского экипажа вслед за другом.

– Вот так, Никита, – добродушно промолвил Виктор Семенович, – Татьяна моя ни за что не хочет пропустить коронацию, потому завтра и прибывает. Вместе с Николенькой, разумеется, ну и со всеми няньками да мамками. И хотя я этому безумно рад, но вот обилие деревенских нянюшек, а их будет не меньше четырех, вот увидишь, – как бы в скобках заметил он, – меня буквально убивает.

Виктор Семенович театрально вздохнул, взял друга под руку и повел к дверям.

– Только вот наш с тобою тесть не приедет. Хворает Дмитрий Аркадьевич, – вздохнул Аверин. – Возраст, что поделать. Да вот только мне отчего-то жаль. Славный он у нас старикан.

– Славный, – искренне подтвердил Карозин, поднимаясь по ступеням на крыльцо. – Действительно жаль, что он не приедет. Я бы повидался с ним. А до лета, как думаешь?.. – Никита Сергеевич не договорил, но взглянул на Аверина так, что тот понял его вопрос.

– А кто же это знает, Никита, – снова вздохнул Виктор Семенович.

Мужчины постояли немного на ступеньках, вспоминая первое лето их знакомства с барышнями Бекетовыми, на который вскорости оба и женились, вспомнили и Дмитрия Аркадьевича, погрустили, что тот болеет и... Делать нечего, вошли в клуб, двери которого перед ними предусмотрительно распахнул здоровенный швейцар с замечательными бакенбардами, одетый в синий мундир с блестящими позолоченными пуговицами.

– Здравствуй, Федор, – поздоровался Аверин.

– Вечер добрый, господа, – ответил он и поклонился.

Карозин вошел следом за другом. В приемной, скинув на руки гардеробщику летние пальто, мужчины на минуту остановились.

– Что ж, считай, что у нас с тобой, Никита, – уже веселей промолвил Аверин, – сегодня последний холостой вечерок.

– У тебя холостой, – тут же поправил друга Карозин.

– Ну, Никита, – слегка нахмурившись и не теряя шутовского тона, проговорил Аверин, – ты уж давай, поддержи меня.

Карозин промолчал, но не сдержал легкой усмешки. Мужчины вышли из приемной и прошли небольшую комнату, называемую «лифостротон», а проще говоря судной, поскольку здесь на стене висела «черная доска», в которой записывались имена лиц, исключенных за

неуплату клубных долгов. Каждый из них не удержался и бросил беспокойный взгляд на длинный список, хотя оба знали, что им опасаться нечего.

– Что ж, нынче в среду чем угощать будут? – подмигнул Аверин своему другу, находясь уже в аванзале, с которого и начинался собственно клуб.

Большая комната, посередине которой стоял огромный стол, использующийся только в известные дни, когда на него ставились баллотировочные ящики и каждый член клуба, входя в сопровождении клубного старшины, должен был положить в ящики шары. Таким образом решалось, принимать ли кандидата в члены клуба. И Карозину и Аверину пришлось пережить эту процедуру и испытать легкое, но все же волнение, пока решались их судьбы. Уже пару лет они периодически посещали этот «храм роскоши», но только в качестве гостей или кандидатов в члены. И только на масленой неделе наконец получили право входить в этот дворец как хозяева. Поскольку в азартные игры приятели почти не играли, разве что иной раз по-маленькой, потому это мужское развлечение, как называла Катенька походы в клуб, было необременительно для их кармана.

Мужчины раскланялись со старейшими членами, как правило, довольно уже пожилыми людьми, сидящими тут же на удобнейших диванах, стоявших вдоль стен. Здесь было крайне приятно и покойно посидеть после сытного и вкусного обеда или ужина и выкурить сигару.

Из аванзала вели несколько дверей. В «портретной», называемой еще в шутку «детской», заставленной ломберными столами, которые обычно по средам и субботам были почти все заняты тихими старичками, игравшими по-маленькой, из-за чего, собственно комната и получила название «детской», на этот раз народу было еще маловато. Карозин и Аверин раскланялись с почетными членами клуба, у каждого из которых было свое, десятилетиями насиженное место, и прошли дальше. Здесь, как всегда, тишина стояла необыкновенная, такая, что даже пламя свечей не колыхалось и ступать хотелось тише, и разговаривать шепотом.

За крайним столом сидел почтенный старикан – сухенький, с Владимиром на шее, с большими седыми бакенбардами и маленькими остренькими выцветшими от времени глазками.

Он приязненно улыбнулся приятелям и даже сделал какой-то слабый жест, на что Карозин тут же к нему подошел. Это был действительный статский советник Аллюров Вадим Давыдович, в свое время прекрасно знавший отца Никиты Сергеевича и до сих пор относившийся к самому Никите, как к молоденькому студенту.

– Никита, – старческим, дребезжащим голосом проговорил Вадим Давыдович, и тут же к ним обратились глаза всех присутствующих, а кое-кто из этой старой гвардии даже вымолвил недовольное «Те!», но Аллюров продолжил, не обращая ни малейшего внимания на присутствующих: – С тобой один человек хочет перемолвиться. Он в «говорильне», так ты уж поди туда, душа моя, – и тотчас вернулся к своей игре в ералаш.

Карозин поклонился и увлек за собой Аверина. Когда приятели вышли из «портретной», Виктор Семенович было поинтересовался, что это может быть за человек, желающий переговорить с Никитой Сергеевичем, но тот только пожал плечами. В «говорильне», или как ее еще называли в «умной комнате», где члены и гости клуба обычно пили после обедов и ужинов кофе и обсуждали самые разнообразные темы, на этот раз народу тоже было немного. Ничего удивительного – было только начало шестого, а обеды господин Шаблыкин устраивал в семь.

Мужчины вошли в комнату и остановились на пороге. Среди присутствующих, каковых было человек семь, выделялся один, в черном сюртуке, с седеющими волосами, в пенсне, стоявший перед угловым диваном, на котором сидели двое военных и какой-то штатский. Человек ругательски ругал «придворную накипь», которую Государь рассылал управлять губерниями. Видимо, спор шел давно, потому что человек распалился не на шутку. Это был известный по Москве винодел Лев Голицын, которого между собой в клубе не особенно жаловали, однако терпели, непонятно даже по какой причине. Скорее всего, она была одна – деньги, которыми Голицын сыпал без счета.

– Вот и наш «дикий барин» тут как тут, – прошептал Аверин с улыбкой.

Никита Сергеевич рассеянно кивнул, пытаясь понять, кто же из присутствующих хотел его видеть. В этот самый момент с одного из диванов поднялся пожилой лысеющий человек и посеменил к Карозину. Никита Сергеевич пристально вглядывался в него, прежде чем сообразил, что это, кажется, некий господин Шишковский, родственник генерала Морошкина. Вспомнив это, Карозин невольно вздохнул. Получалось, что разговор пойдет, скорее всего, о злосчастных векселях. Так и оказалось.

– Добрый вечер, – тихо проговорил Шишковский. – Мне бы с вами словечком перемолвиться, – добавил он многозначительно, раскланявшись с Авериным.

Виктор Семенович удивленно глянул на Никиту, но ничего не сказал, а вместо этого подошел к тем двум военным и штатскому, что сидели и со скучающим видом слушали Голицына, который как раз развивал мысль о том, что все – и служащие, и рабочие – должны иметь право на то, чтобы пить хорошее вино. Это был ответ на чье-то замечание о том, что Голицын продает собственные чистейшие вина по двадцать пять копеек за бутылку.

Карозин вышел вслед за Шишковским и проследовал дальше, в читальный зал. Здесь, по обыкновению, никого не было. Комната эта, прежде бывшая кабинетом первого владельца, поэта Хераскова, с мраморными колоннами с лепными карнизами, поддерживающими расписные своды, была заставлена вдоль стен стеклянными шкапами с обилием самых разнообразных книг. А на большом, красного дерева столе лежали аккуратные стопки журналов и книг и стояли лампы под зелеными абажурами. Окно было занавешено и только в верхнюю часть его полукругом заглядывало вечернее небо. Как и повсюду, не считая, пожалуй, только «говорильни» да «инфернальной» комнаты, здесь стояла необыкновенная тишина, нарушаемая только тиканием больших настенных часов.

Мужчины сели в кресла и Никита Сергеевич внимательно посмотрел на пожилого господина. К сожалению, он не помнил его имени-отчества.

– Слушаю вас, – вежливо поощрил Карозин.

– Никита Сергеевич, простите уж мою дерзость, – приглушенно заговорил Шишковский. – Вы, верно, догадались, о чем речь пойдет?

– Допустим, что так, – откликнулся Карозин.

– Мне стало известно, – вздохнув и сложив сухенькие старческие руки на коленях, продолжил Шишковский, – что вдова моего родственника, ныне покойного уже, Михаила Ивановича, попала в неприятную историю с некими векселями. Я вполне понятно выражаюсь? – вдруг с некоторой опаской спросил он, как бы спохватившись, да тому ли человеку он рассказывать собрался.

– Вполне, – заверил Карозин и сцепил руки, приготовившись дослушать до конца. И не потому, что ему самому было это интересно, а потому, что не хотелось обижать человека.

– Так вот, она обращалась к вам, и это мне тоже известно. Говорят, что вы умело распутываете самые затруднительные и щекотливые дела, – добавил он многозначительно. Карозин на это замечание промолчал. – Так вот, я имею кое-что сообщить вам о том, как эти векселя попали к моему родственнику. Я при этом присутствовал самолично.

Никита Сергеевич снова ничего не ответил, Шишковский немного помолчал, но все-таки решил договорить до конца, поэтому набрал полную грудь воздуха – так показалось Никите Сергеевичу – и почти на одном дыхании выпалил:

– Было это у генерала дома, партию, кроме нас с ним, составляли еще двое молодых людей, которых я никогда ни до, ни после уж не видел, хотя имена их не так давно мелькали в газетах в связи с совершенно другим делом, в котором вы, господин Карозин, принимали участие.

Карозину это заявление понравилось еще меньше, но делать нечего, он посмотрел на своего собеседника с участием.

– В дом к Михаилу Ивановичу они попали благодаря рекомендательным письмам одной достойной особы. И если мне не изменяет память, звали их господин Ковалев и господин Штайниц, – услышав эти имена Карозин вспыхнул. – Вижу, что они и вам знакомы, – не без удовлетворения заметил Шишковский. – Словом, составили партию. Ковалев проигрался, но поскольку денег у него в тот вечер не было, то он и предложил расплатиться векселями. Вызвали нотариуса, господина Гольдштейна. Он заверил векселя и на том расстались. А теперь вот выясняется, что векселя-то эти были поддельными? Так ведь?

– Именно так, – нехотя согласился Карозин, думая только об одном человеке, о некоем господине Ковалеве.

– К сожалению, больше ничего добавить не могу, – вздохнул Шишковский. – Я только и знал, каким образом Михаилу Ивановичу эти векселя достались.

– Благодарю вас, – промолвил Карозин, впрочем, таким тоном, что Шишковский невольно поежился.

– Извините, – как-то виновато улыбнулся он и, поднявшись из кресла, покинул читальню.

А Никита Сергеевич погрузился в мрачные и неприятные раздумья. Однако вскоре по всем комнатам забили часы – шесть, а это значит, что подали закуски. Карозин стряхнул с себя неприятные размышления и поднялся, ощутив вдруг голод, да и не желая, между прочим, оставаться дольше в одиночестве.

Карозин вернулся в «говорильню», где его тотчас увидел Аверин, но расспрашивать не спешил. Двери в большую гостиную уже распахнулись и мужчины, а к этому времени прибыли почти все члены клуба, большой и довольно шумной толпой вошли в залу, посреди которой был, по заведенному обычаю, накрыт огромный стол с закусками и выпивкой. Что уж говорить, а старшина клуба по хозяйственной части Шаблыкин, сам великий гурман, умел угодить привередливым своим гостям.

Карозин из-за неприятного разговора, а больше-то из-за неприятных воспоминаний, как-то особенно увлекся водочкой, что вообще-то было на него совсем не похоже.

– Никита, друг мой, – несколько удивленно проговорил Аверин, глядя, как Карозин выпивает уже третью рюмку, – что это на тебя нашло?

– Ну ты ведь сам сказал, – ответил невесело Карозин, закусывая греночкой с мозгами, – что нынче у нас с тобой холостяцкий вечер.

– Что-то скажет на это Катенька?.. – недовольно заметил Виктор Семенович, но Никита Сергеевич так глянул на него из-под густых бровей, что дальнейшие слова Аверина просто застряли у него в горле и он сам поспешил опрокинуть рюмку и закусить белужьей икоркой.

Через час, по заведенному обычаю, по всему клубу снова забили часы и здоровенный лакей, церемонно распахнув двери в столовую, провозгласил торжественно и важно:

– Кушанье поставлено!

Тотчас блестящие господа, среди которых и сам генерал-губернатор нередко бывал, а обер-полицмейстер Иван Иванович Красовский, большой любитель женского пола и шуток, так и вовсе не пропускал ни одного клубного обеда, двинулись через «говорильню», «детскую» и «фруктовую» комнаты в столовую, отделенную от клуба аванзалом.

Нынче приглашен был русский хор от «Яра», который уже расположился на сцене. Едва только господа вступили в комнату и расселись по местам, как хор тут же грянул что-то заводное, отчего Карозин даже несколько опешил.

На эстраду вышла какая-то тоненькая барышня со взбитыми волосами в темно-пурпурном платье с оголенными плечами и нежным томным голосом запела «Рябину».

Карозин на этот раз больше опять-таки налегал на водочку и лакеи успели принести не один полный графин и унести взамен опустевший. Как ни пытался поначалу разговорить своего друга Аверин – ничего не выходило, и он вскоре махнул рукой, позволил ему, как это ино-

гда говорят, «надираться», рассудив, что даже такому трезвеннику и исключительно положительному человеку, как Никита Сергеевич порой тоже нужно «выпускать пары».

Никита Сергеевич же все мрачнел и мрачнел с каждой выпитой рюмкой. Часа через два он, мрачнее тучи, поднялся из-за стола, раскланялся с некоторыми из знакомых, бросил Аверину: «Не провожай!» и нетвердой, но исполненной какой-то странной и нехорошей решимости походкой вышел из столовой.

У клуба он уселся в пролетку подкатившего по знаку лихача и весьма уже заплетающимся голосом велел ехать в Брюсовский. У освещенного особнячка Карозин вышел, вручив кучеру серебряный рубль, чем вызвал у последнего неопишное удивление.

– Барин, еще куда едем? – осторожно спросил «лихач».

– Едем? – переспросил Карозин, глядя на него мутными глазами. – А не поехать ли и правда? – Но двери его дома уже были распахнуты, на ступеньки вышел преданный Григорий и, ласково взяв барина под ручку, сердито махнул на кучера. Проваливай, мол, не видишь, барин мой не в себе.

Лихача дважды просить не пришлось, он стеганул лошадку и был таков, а Карозин, привалившись к плечу Григория, пьяным и как-то вдруг ослабевшим голосом спросил:

– Катерина Дмитриевна где?

– У себя они, у себя, – заботливо ответил Григорий. – К обеду приехали. – И помог барину подняться в дом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Никита Сергеевич, прежде чем пройти к жене, ненадолго заперся у себя в кабинете. Течение его не слишком трезвых мыслей было примерно таким: «Ковалев... Если она узнает, что он... Опять он! – Карозин досадливо хлопнул рукой по столу и даже не почувствовал боли. – Нет! Она не должна ничего знать о том, что он участвовал в этом! А что, если она его не забыла? Что, если думала о нем все это время? Вспоминала его, когда я ее целовал, думала, представляла, что это он ее целует! – Он стиснул зубы и от пронзившей его от этой мысли боли чуть не застонал. – Что же делать?.. Неужели я ревную? Катеньку мою ревную к покойнику? – через некоторое время подумал Никита Сергеевич, уставившись невидящим взглядом в стену. – Да, так и есть, жену ревную к покойнику! Никита, да ты сходишь с ума! – попытался он себя высмеять со злостью и горечью. – Но разве таких красавчиков, как этот мерзавец, женщины могут так просто забыть? Ведь я сам слышал, как он с ней разговаривал, и видел, как она на него смотрела, в тот, последний миг. И он... Он смотрел только на нее!.. Стыдись, Карозин, ты уж не мальчик, чтобы вот эдак... – снова попытался он себя урезонить, но муки ревности были настолько сильны, что Никита Сергеевич не выдержал, поддался этому наваждению и, вскочив из кресла, метнулся к двери, решив про себя: – Нет! Пусть она мне ответит! Я все ей скажу и пусть она мне ответит! Пусть все мне расскажет!»

Вот в таком состоянии он и поднялся по лестнице, буквально взлетел, перемахивая через две ступени, и, без стука распахнув дверь в Катенькину спальню, замер на пороге от увиденного.

Катерина Дмитриевна лежала на нерасправленной еще постели. Она, очевидно, задремала, ожидая мужа, но не решаясь лечь спать без него. Одета она была в легкое дезабилье, которое Карозин так любил на ней, и лежала сейчас, свернувшись калачиком, потому что в комнате было довольно свежо от открытого окна. Мягкий неяркий свет от ночника, стоявшего в изголовье кровати, заливал Катенькину фигурку и сердце неукротимого ревнивца дрогнуло. «Боже! – со сладкой болью подумал он. – Как же я ее люблю!» Весь его гнев куда-то мгновенно улетучился от одной этой мысли, как это бывало с ним всегда. Он тихо притворил за собой дверь и подошел к постели, чтобы присесть на краешек.

Катенька была прекрасна. Несколько непослушных золотистых локонов, выбившихся из косы, лежали на ее нежной румяной щечке и Никита Сергеевич, замирая от какого-то трепетного восторга, осторожно отвел их с ее лица, боясь потревожить сон жены, любуясь ею и желая, чтобы это мгновение никогда не кончалось.

Но оно кончилось, потому что Катерина Дмитриевна вздохнула и открыла глаза. Очевидно, он все же потревожил ее. На какую-то долю секунды ее взгляд был далеким, потом она вздохнула еще раз и прошептала:

– Ах, Никита, это ты...

И прошептала-то вроде как обычно, но все прежние ревнивые мысли Никиты Сергеевича тотчас вернулись к нему с удвоенной силой. Он тут же вообразил, что видела она во сне не иначе как «мерзавца Ковалева», оттого и разочарована сейчас тем, что видит не его перед собой наяву и что все это был только лишь сон. Темные глаза Никиты Сергеевича тотчас налились кровью, он отстранился от жены, которая в это же самое время протянула к нему свою тонкую белую ручку и промолвила, лукаво улыбувшись:

– Да ты изрядно выпил, друг мой.

Она ничем не хотела его обидеть, да и не видела в своем коротком сне никакого Ковалева, но было поздно. Карозин вскочил с постели, метнулся к окну и на озадаченный Катенькин вопрос о том, что с ним, развернулся к жене и, прямо-таки ударив ее взглядом, кривя губы, выплюнул:

– Ты думаешь о нем!

По тону, которым это было сказано, Катерина Дмитриевна тотчас поняла, о ком именно идет речь. Она на минуту прикрыла глаза и, вздохнув полной грудью, вымолвила:

– Ты не прав, Никита. Так, – она выделила это слово, – я о нем не думаю, – и посмотрела на мужа открыто и даже с вызовом.

– Неправда! – рявкнул на это Карозин. – Ты мне лжешь! Не лги мне, Катя, – добавил он спокойней, но в этом спокойствии была угроза.

– Это правда, Никита, – откликнулась Катерина Дмитриевна и села на постели, выпрямившись и вскинув голову. – И я не лгу тебе. Я не думаю о нем так, чтобы это могло задевать тебя, ранить тебя или причинять тебе боль. Он умер, Никита. И потом, ничего такого не было даже и тогда, когда он был жив. Тебе не к чему меня ревновать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.